

Йордан Люцканов, Нина Барковская, Александр Медведев

Социальный слом и профессиональная идентичность литератора: предисловие к публикации от составителей и редакторов

Основная проблема, обсуждавшаяся на софийской конференции в мае 2017 г., была сформулирована следующим образом: «обсудить на малоисследованном материале роль, функции, значение интеллигента в ситуации радикальной социальной перемены и характер профессиональной идентичности литератора/литературоведа; обсудить, как радикальная социальная перемена наступает согласно или вопреки мыслям, воле и действиям интеллигента и как это „растягивает“, „вывихивает“, разрывает его профессиональную идентичность» (из объявления к конференции). В качестве последующего шага планировалось обратиться к вопросу о том, как интеллигент оценивает результаты радикальных перемен, свое участие в них и свою ответственность за произошедшее.

Публикуемые статьи, написанные на основе прочитанных докладов, сосредоточены на избранных литераторами путях самореализации в радикально изменившихся условиях.

Предлагаемой вниманию читателей Toronto Slavic Quarterly подборкой мы пытаемся обратить внимание на 1917-й год как на метафору социального слома и эпицентра последующих толчков. Слома¹, создавшего новые местообитания (в интеллектуальном, социальном и географическом смыслах); разделившего общество и создавшего очень разные условия для функционирования литературы; отложившегося как травма. Мы предлагаем обратить внимание на то, как средствами психологического и социального если не преодоления слома, то овладения им выступают смена профессии, временный отказ от нее, приноравливание к социальной маске, авторефлексия на границах фикционального и нефикциональных дискурсов, присвоение потерянных (в эмпирическом и социальном смыслах) местообитаний через литературу. Иными словами – на то, как гибкость и емкость профессиональной идентичности литератора способствует его адаптации.

¹ Не ожидания, не эйфории, не мобилизации (социальной или иной).

В качестве примеров *коллективной адаптации* рассматриваются трансформации в стратегиях литературной критики и истории литературы (на материале интерпретации советскими литературоведами сквозного для русской литературы мотива «человек на rendez-vous») и в газетной периодике (в софийской эмигрантской прессе). В первом случае наблюдается характерное для советского литературоведения обеднение, сужение смысла литературного мотива до социально-политизированного аспекта – что позволяло пишущим продемонстрировать свою лояльность к господствующей идеологии. Во втором случае наблюдается тенденция «олитературирования» газетных выпусков и стремление установить контакты / контрасты / совмещения эмигрантских и «подсоветских» произведений: что позволяло тем, кто оказался за пределами России, «преодолевать» политически непреодолимую для них границу, формировать объемное представление о тенденциях развития русской литературы в новых и принципиально иных условиях. Другими словами, если в первом случае собственно эстетический, художественный смысл произведений отступал перед идеологическим содержанием, то во втором случае, напротив, газетные страницы, при стесненной экономической базе литературного поля, трансформировались эстетической (литературной) культурой, социальный вес которой повышался в условиях стесненности круга возможных политических действий в отношении самого значимого «другого» эмигрантской общности – СССР.

Варианты *индивидуальной адаптации* демонстрируют статьи о послереволюционной деятельности Петра Бицилли, Владимира Нарбута и Андрея Платонова. Каждый из них вынужден был – или пожелал – сменить прежнюю профессиональную роль или овладеть новыми. Медиевист-романист, историк Петр Бицилли занимался в Софии преподаванием *всеобщей* истории Нового времени и составлением учебных хрестоматий по русской *литературе*: ученый-эмигрант адаптирует свой профессиональный репертуар к условиям эмигрантской провинции и с оглядкой на потенциальную опасность своих занятий для своих же оставшихся в Советской России родных. Владимир Нарбут, модернистский поэт и петербургский горе-издатель, потенциальный «попутчик», занялся агитационной и издательской деятельностью в пользу революции и советской власти, превратился в советского предпринимателя-«спеца» и чиновника, а потом остался не у дел и в конце концов был репрессирован и убит. Предлагаемое в статье о Нарбута рассмотрение трансформации профессиональной идентичности в широких хронологических рамках помогает понять, с точки зрения индивидуальной жизни, эвристичность понятия «жизненный цикл

революции» и связанную с ним «длинную хронологию» русской революции: середина 1900-х – конец 1930-х гг.² Андрей Платонов³, юный рабочий⁴ и начинающий писатель⁵, отдался работе инженера-мелиоратора, веря в революцию и в лозунги ранней советской власти, но любил женщину, будучи зависим от языка той (художественной) метафизики, создателей которой ненавидел и отвергал. В деятельности и философии жизни (имплицитной или эксплицитной) Нарбута и Платонова особенно наглядно выступает обратимость между профессиями «слова» и профессиями «дела», обратимость, явившаяся знаменем времени («Владимир Ленин, литератор»).

Статьи, посвященные Виктору Шкловскому и Ольге Ильиной-Боратынской, дают примеры позднейшей *саморефлексии* литераторов над пережитой ими адаптацией к принципиально новым условиям, варианты самооценки и самооправдания своей роли. «Спец» с авантюрно-политическим опытом позади и возвращенец, сумев уцелеть в новой игре в прятки со смертью (сталинской властью), задним числом пытается рассеять сомнения о своем сотрудничестве с ней. Эмигрант приводит в порядок свой личный и своих близких опыт 1917 года и Гражданской войны, находя в нем и персональный, и исторический смысл; и рассказывая историю своей индивидуации.

Публикуемые статьи высвечивают еще одну проблему, обсуждавшуюся в ходе конференции: травматический опыт раскола в истории России, размышления писателей о собственных судьбах, о развитии литературы. С этой точки зрения, исследование опыта адаптации – успешного или, напротив, приводившего к трагическому финалу, открывавшего новые перспективы или загонявшего в тупик – расширяет наше представление о *лиминальных* состояниях творческого человека, попытках утверждения или снятия границ: географических, политических, ментальных, профессиональных, с позиций конформизма или противостояния. Полагаем, что

² О понятии «жизненный цикл революции» и о вариантах длинной хронологии русской см.: David-Fox, Michael. *Toward a Life Cycle Analysis of the Russian Revolution* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 18 (2017), 4 (Fall), 741–783.

³ «Во время Февральской и Октябрьской революций находился в Воронеже; [...] Беспартийный. В других партиях не состоял. [...] Участие мое в Октябрьской революции выразалось в том, что я работал как поэт и писатель в большевистской печати» (Платонов, Андрей. *Автобиография* (Москва, 5.IX.1942) // Андрей Платонов: *Воспоминания современников; Материалы к биографии*. Сост., подг. текстов и примеч. Наталья Корниенко и Елена Шубина. Москва: Современный писатель, 1994, 445–446; цит. 445).

⁴ «В 1917 году Платонов, по всей вероятности, работал на железной дороге. Как он встретил февральскую и октябрьскую революции, мы не знаем, но уже в 1918 году его жизнь резко изменилась» (Лангерак, Томас. Андрей Платонов: материалы для биографии 1899–1922 гг. Амстердам: Пегасус, 1995, 14).

⁵ «В 12–13 лет Платонов начал писать стихи и тогда же поступил на работу. К началу 1918-го года он учится в железнодорожном политехникуме, а с осени уже печатается в недавно созданных коммунистических журналах и газетах» (Шубина, Елена. *Созерцатель и делатель (1899–1926)* // Андрей Платонов: *Воспоминания современников; Материалы к биографии*, 138–154; 139).

публикуемые материалы могут послужить отправной точкой для дальнейших исследований и, возможно, типологизации подобных «точек бифуркации» или культурного «взрыва».

Помещаемое после группы статей «Обобщение» выражает одну из возможных точек зрения на работу конференции в целом – точка зрения, в самом деле прозвучавшая в конце наших заседаний.

Все предназначавшиеся для публикации в настоящем блоке статьи прошли «двойное слепое» рецензирование. Пользуемся случаем принести благодарность рецензентам: Ирине Беляковой (Москва), Людмилу Димитрову (София), Клаудии Кривеллер (Падуя), Павлу Лавринцу (Вильнюс), Роману Мниху (Седльце), Алессандро Ниеро (Болонья), Михаилу Одесскому (Москва), Михаилу Павловцу (Москва), Елене Проскуриной (Новосибирск), Клаудии Пьералли (Флоренция).